

тописи, тагары, подойдя первым делом к Рязани, потребовали дани и покорности от ее князей; получив отказ, они отправили послов во Владимир. Одновременно «послаша же рязаньстии князи к Юрию Володимирьскому. просяче помочи или самому пойти. Юрьи же сам не поиде, ни послуша князий разанских молбы, но сам хотѣ особѣ брань створити».³⁸

Соответствующее место Лаврентьевской летописи не содержит даже намеков на посольство к Юрию Всеволодичу, — в противном случае распалась бы картина «братского единения князей». Но «похвала» князю Юрию обнаруживает осведомленность ее автора об одном из посольств — татарском: Юрий Всеволодич «безбожнѣя Татары отпушаше одарены, бяхуть бо преж прислали послы своѣ зли ти кровопиинци, рекуще: мирися с нами». Причем, надо сказать, это одна из двух оригинальных, ни откуда не заимствованных фраз «похвалы». Не исключено, что сообщения о посольствах к князю Юрию были в начале повести, но убраны ее редактором.

Условия мира, предложенные татарскими послами князю Юрию Всеволодичу, должны были быть такими же, как те, что они предлагали рязанцам и вообще всем, кого хотели подчинить: дань и покорность. «Дары» князя Юрия татарам («Татары отпушаше одарены») и были, по всей видимости, требуемой данью. Но редактор-компилятор сумел этот факт использовать как свидетельство не малодушия и близорукости великого князя владимирского, а исполнения им заповеди любить не только друзей, но и врагов.

Беспокоясь, видимо, за свои владения, несмотря на обещания татар их не трогать, князь Юрий Владимирский «посла Еремея в сторожих воеводу», говорит Новгородская I летопись. В Лаврентьевской же нет этого показательного «в сторожих», а сказано: «Поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволожь, противу татаром, и сступишася у Коломны...» (л. 160). Дело предстает таким образом, будто Юрий выслал помощь Рязани, но рать не дошла до нее, так как встретилась с татарами уже у Коломны.

Решимость великого князя Юрия Всеволодича драться с татарами подчеркнута в «похвале» Лаврентьевской летописи как главная и определяющая героический характер его жизни и смерти черта. Татары будто бы предлагали ему мир, но он сам «того не хотяше», ибо, как говорит пророк: «Брань славна луче есть мира студна». Здесь же объяснение, почему мир с татарами «студен»: «Си бо безбожни, со лживым миром живуше, велику пакость землям творять». И непосредственно вслед за этой оценкой татарской политики автор-редактор уже от себя, ниоткуда не заимствуя, добавляет: «Еже и здѣ многа зла створиша». Эта вторая и последняя оригинальная фраза «похвалы». Благодаря ей от обстоятельств, о которых идет рассказ, к обстоятельствам «авторского» места и времени перебрасывается некий мысленный мостик. Очевидно (и это крайне любопытно), что для редактора рассказа — все равно, принадлежит ли ему эта фраза или он ее сберег от оригинала — война Руси с татарами вполне мыслима и похвальна. Это очень важно. К всероссийскообъединительной тенденции редактуры повествования Лаврентьевской летописи можем добавить еще одну — активную анти татарскую.

Рассказав о столкновении у Коломны, Новгородская I летопись добавляет: «Москвичи же побегоша, ничто же видѣвше». И больше ничего о Москве или москвичах. В XIII в. Москва была еще незначительным

³⁸ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова, М.—Л., 1950, стр. 74—75 (старшего извода), стр. 286 (младшего извода).